

Российский фонд
русские

7373

7295

С 20 409

К. П. ЯНОВСКИЙ.

ЕЩЕ КЪ ВОПРОСУ

О НАШИХЪ

ВЫСШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ

И

ОБЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

(По поводу статьи проф. В. И. Сергѣевича).

Изъ журнала «Русская Школа».

Библиотека
Историческо-математическаго музея
С.-Петербургъ

80 17373

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1900.

Продаются во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы.

слѣдующія изданія ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ ШКОЛА“

- 1) Мысли о воспитаніи. *Джона Локка*. Переводъ съ англійскаго Петра Вейнберга. 1891 г. Цѣна 1 руб.
- 2) Душа ребенка въ первые годы жизни. Двѣ публичныхъ лекціи проф. *Н. Н. Ланге*. 1892 г. Цѣна 40 коп.
- 3) Цѣль и средства преподаванія низшей математики съ точки зрѣнія общаго образованія. *С. И. Шохоръ-Троцкого*. 1892 г. Цѣна 60 коп.
- 4) Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. *П. Г. Мижусева*. Цѣна 50 коп.
- 5) Вопросъ объ образованіи русскихъ евреевъ въ царствованіе императора Николая I-го. *А. В. Блещкаго*. Цѣна 1 руб.
- 6) Обязательный минимумъ образованія. *М. Л. Песковскаго*. Спб. 1895 г. Цѣна 80 коп.
- 7) Очеркъ развитія и современнаго состоянія народнаго образованія въ Англіи. *П. Г. Мижусева*. 1896 г. Цѣна 30 коп.
- 8) Народныя чтенія. (Руководство къ устройству народныхъ чтеній). *В. П. Вазтерева*. 1897 г. Цѣна 1 руб.
- 9) Новый способъ обученія сліянію звуковъ при обученіи грамотѣ. *В. Флерова*. 1899 г. Изданіе 2-е. Цѣна 25 коп.
- 10) Новая русская педагогія, ея главнѣйшія идеи, направленія и дѣятели. *П. Θ. Кантерева*. 1898 г. Цѣна 80 коп.
- 11) Очерки развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Англіи. *П. Г. Мижусева*. 1898 г. Цѣна 80 коп.
- 12) Психологія перваго дѣтства. *Проф. Ф. Трэси*. Переводъ со втораго изданія *П. Г. Мижусева*. 1899 г. Цѣна 80 коп.
- 13) Нѣмецкая и русская методика ариеметики за текущее столѣтіе. *М. И. Успенскаго*. 1899 г. Цѣна 40 коп.
- 14) Очерки современнаго состоянія начальнаго образованія въ Зап. Европѣ. *М. И. Страховой*. 1899 г. Цѣна 50 коп.
- 15) Къ вопросу о реформѣ системъ средняго образованія, въ особенности же классическихъ гимназій. *Я. Г. Гуревича*. 1900 г. Цѣна 30 коп.

Складъ всѣхъ этихъ изданій: а) въ книжномъ магазинѣ Стаскевича и б) въ книжномъ складѣ *М. С. Залшупина*, Спб. В. Московская, д. 11.

К. П. ЯНОВСКІЙ.

ЕЩЕ КЪ ВОПРОСУ

О НАШИХЪ

ВЫСШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ

и

ОБЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

(По поводу статьи проф. В. И. Сергѣевича).

Изъ журнала «Русская Школа».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1900.

Отд. отт. изъ журнала «Русская Школа» № 10, октябрь 1899 г.

1. Главные принципы университетовъ по мнѣнію профессора В. И. Сергѣевича: свобода образованія, свобода воли, отсутствіе воспитанія въ университетахъ, дѣти и взрослые должны отвѣчать только за свою вину.—2. Кто имѣетъ призваніе къ наукѣ и дарованіе, тотъ изучитъ ее и при плохихъ способахъ преподаванія и плохихъ учителяхъ.—3. Обремененности лекціями въ университетахъ не существуетъ.—4. Предлагаемый мною способъ занятій въ университетахъ, это смерть ихъ. Игра въ университетъ.—5. Мнѣніе Пирогова объ университетскомъ преподаваніи. Условія развитія университетовъ.—6. Заключение. Объясненіе мною мнѣнія г. Сергѣевича.

Въ апрѣльской книжкѣ журнала «Русская Школа» за 1898 годъ во второй главѣ моего труда «Мысли о воспитаніи и обученіи», я высказалъ свой взглядъ по вопросу *объ обученіи и воспитаніи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ университетахъ въ особенности.* Эта статья встрѣтила сильное порицаніе со стороны Василія Ивановича Сергѣевича, профессора и бывшаго ректора С.-Петербургскаго университета. Свое возраженіе профессоръ помѣстилъ въ октябрьской книжкѣ журнала «Научное Обозрѣніе» за 1898 годъ.

Высказывая свои мысли о воспитаніи и обученіи въ учебныхъ заведеніяхъ вообще, я считалъ весьма умѣстнымъ коснуться и нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, особенно университетовъ, обученіе и воспитаніе въ которыхъ, по моему убѣжденію, далеко не соответствуютъ ни назначенію этихъ заведеній—сообщать учащемуся въ нихъ юношеству положительныя знанія въ наукахъ, входящихъ въ факультетское преподаваніе, ни должному развитію въ немъ уваженія къ личности своей собственной и другихъ, ни надлежащему развитію въ немъ силы воли и твердыхъ убѣжденій въ необходимости исполнять обязанности, возлагаемыя на него закономъ.

Къ такому взгляду я пришелъ, наблюдая не только за образомъ жизни студентовъ, но и за частымъ исключеніемъ ихъ изъ заведеній, съ лишеніемъ правъ вновь поступать въ высшія учебныя заведенія и даже избирать желательную для нихъ служебную дѣятельность (съ 1896 года по 1898 годъ такихъ исключеній было изъ 9 университетовъ 968 и изъ 11 высшихъ специальныхъ училищъ 187, а всего 1.155 лицъ).

И въ прежнее время были высказываемы мнѣнія о необходимости некоторыхъ измѣненій въ университетахъ, но предлагаемыя измѣненія скорѣе касались внѣшней ихъ стороны; о самомъ-же существенномъ въ университетской организаціи, а именно—объ изысканіи мѣръ къ улучшенію обученія и воспитанія въ университетахъ, объ этомъ всегда умалчивалось.

Университетская жизнь студентовъ, особенно въ послѣднее двадцатилѣтіе, часто омрачалась самыми грустными явленіями, какъ, напр., оскорбленіемъ студентами своихъ товарищей, профессоровъ и даже высшихъ начальниковъ, и всѣ такія явленія, включая въ нихъ и послѣднія, 1899 года, были такъ странны, что ихъ, казалось, можно было объяснять какъ-бы гипнотическимъ внушеніемъ со стороны неблагоприятныхъ людей, поставившихъ себѣ цѣлью вредить нашему государственному строю и избравшихъ своимъ орудіемъ малоразвитую часть воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, которая обыкновенно проводила время въ праздности.

Но, сознаюсь, я былъ неправъ въ моемъ предположеніи: В. И. Сергѣевичъ пролилъ свѣтъ на причины университетскихъ, часто непонятныхъ и возмутительныхъ, безпорядковъ *).

«Дѣло образованія есть дѣло свободы,—говоритъ почтенный профессоръ.—Но, скажутъ, студенты лекцій не слушаютъ и книгъ не читаютъ. Возможно. Но можно-ли заставить ихъ слушать и читать? Нѣтъ пользы даже въ пріятномъ заблужденіи, а потому на поставленный вопросъ отвѣчаемъ: нельзя».—«Кто цѣнитъ научное знаніе, кому оно дорого, тотъ будетъ и слушать, и читать. Мы сомнѣваемся даже и въ томъ, чтобы и въ начальной школѣ можно было кого-либо научить безъ его воли». («Научное Обозрѣніе», № 10, 1898 года, стр. 1.705—1.706).

*) При всемъ нашемъ глубокомъ уваженіи къ почтенному автору предлагаемой нашимъ читателямъ статьи, мы не можемъ согласиться съ его взглядомъ на причины, вызывающія нѣсколько безпорядковъ какъ въ университетахъ, такъ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Что источникъ этихъ безпорядковъ заключается не въ самовольномъ уклоненіи студентовъ отъ правильного посѣщенія всѣхъ читаемыхъ для нихъ лекцій и въ предоставленіи имъ значительной свободы слушать тѣхъ или другихъ профессоровъ, можно убѣдиться изъ того факта, что сама по себѣ такая свобода, предоставленная студентамъ нѣмецкихъ и вообще западно-европейскихъ университетовъ относительно слушанія лекцій, не вызывала и не вызываетъ тамъ никакихъ безпорядковъ. Если студентъ слушаетъ лекціи хотя-бы одного или двухъ профессоровъ по интересующей его специальности, то серьезно занять въ остальное время самостоятельную научную работою по предмету этой специальности, то такой студентъ уже въ значительной степени гарантированъ отъ участія въ безпорядкахъ, причины которыхъ очень сложны и разнообразны.

Ред.

Таковъ главный принципъ, на которомъ зиждется университетская жизнь, по убѣжденію почтеннаго профессора С.-Петербургскаго университета, и на основаніи котораго, по его мнѣнію, развивается и жизнь другихъ учебныхъ заведеній.

Значитъ, государство и общество обязаны только отпускать ежегодно по нѣскольку милліоновъ рублей на содержаніе университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній; заниматься-же науками или не заниматься должно быть предоставлено *свободѣ или на волю каждого*, будетъ-ли онъ студентъ, гимназистъ, или даже ученикъ начальнаго училища.

Сображаясь съ такою теоріей *свободы образованія и своеволия*, и гг. профессора могутъ не стѣснять себя аккуратнымъ посѣщеніемъ лекцій въ часы, назначенные по росписанію лекцій. Начальство-же можетъ, въ теченіе года, назначать начало и конецъ учебныхъ занятій вполнѣ по своему благоусмотрѣнію.

Теперь, послѣ разъясненія почтеннаго ректора, мнѣ становится понятнымъ, почему отъ студентовъ не требуется аккуратное посѣщеніе лекцій, а предоставляется имъ *право*, вмѣсто такого посѣщенія, *проводитъ лекціонное время идѣи какъ угодно*.

Итакъ, *первый главный принципъ*, служащій руководящимъ началомъ нынѣшней жизни студентовъ, заключается въ *полной ихъ свободѣ въ отношеніи изученія или университетскихъ наукъ*,—свободѣ, проповѣдуемой столь компетентнымъ лицомъ университета, какимъ всегда признавался и признается бывший ректоръ этого высшаго учебнаго заведенія, профессоръ В. И. Сергѣевичъ.

Другой принципъ, служащій основаніемъ университетской жизни студентовъ, заключается, по убѣжденію г. Сергѣевича, въ томъ, что *воспитаніе ихъ не лежитъ на обязанности университетовъ*. «Въ виду *полнѣйшей бѣдности воспитательныхъ средствъ и совершеннаго истощенія дѣйствительнаго изъ нихъ и едва-ли не единственнаго (?!!) еще во время прохожденія курса среднихъ учебныхъ заведеній, мы думаемъ,—говоритъ г. Сергѣевичъ,—что школьное воспитаніе оканчивается въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и на обязанности университетовъ оно не переходитъ*». («Научное Об.», № 10, 1898 г., стр. 1.693).

Изъ сказаннаго видно, что молодые люди, поступившіе въ университеты, оказываются предоставленными самимъ себѣ.

Заниматься или не заниматься наукой, это предоставляется ихъ доброй волѣ. Рассчитывать-же на поддержку со стороны кого-бы то ни было изъ корпораціи профессоровъ они не могутъ, такъ какъ воспитательное вліяніе на нихъ не входитъ въ кругъ обязанностей университета, а слѣдовательно и въ кругъ обязанностей профессоръ и инспекціи. При такомъ положеніи, что остается дѣлать не-

опытному молодому студенту, часто находящемуся вдали от родных и близких ему людей, какъ не броситься часто въ первое встрѣтившееся ему общество, которое, волей-неволей, и будетъ имѣть на него воспитательное вліяніе, и притомъ не всегда благотворное, а слѣдовательно, перѣдко и вредное какъ для него, такъ и для общества.

Такимъ образомъ, 1) отсутствіе воспитанія въ университетѣ, 2) свобода образованія и 3) свобода воли (точнѣе—своеволие и произволъ), суть существенныя качества нашихъ университетовъ, по компетентному утвержденію бывшаго ректора Спб. университета.

По моему убѣжденію, эти качества ведутъ къ полному упадку нашихъ университетовъ. Въ нравственномъ отношеніи такой упадокъ обнаруживается постоянно въ теченіе послѣднихъ 20-ти лѣтъ, и особенно онъ обнаружился въ текущемъ 1899 году, начиная съ 8-го февраля сего года, т.-е. со дня торжественнаго акта С.-Петербургскаго университета.

Впрочемъ, г. Сергѣевичъ, хотя и убѣжденъ, что воспитаніе должно оканчиваться въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и не должно переходить на обязанность университетовъ (стр. 1.693 «Научн. Обзор.»), не отрицаетъ воспитанія вообще и университетской молодежи въ частности.

Такое воспитаніе онъ предоставляетъ жизни, которая *«воспитуетъ»* человека до гробовой доски. Въ этомъ воспитаніи, путемъ жизни, великая роль, по мнѣнію профессора, принадлежитъ и университетской жизни. Университеты всегда имѣли и будутъ имѣть великое воспитательное значеніе. («Н. Об.», № 10, стр. 1.693—1.698.). Съ такимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться, но съ присовокупленіемъ, что это значеніе можетъ быть положительнымъ или отрицательнымъ, благотворнымъ или вреднымъ для учащейся молодежи, смотря по качеству университетовъ и выполненію ими своей задачи. Но можетъ-ли оно, это значеніе, быть благотворнымъ для молодежи въ переходномъ, самомъ впечатлительномъ ея возрастѣ, когда эта молодежь, предоставленная самой себѣ, будетъ лишена вліянія близкихъ къ ней людей (а такими, какъ мнѣ кажется, должны быть университетское начальство вообще и въ частности ректоръ и гг. профессора)? Очевидно, нѣтъ. Отсутствіемъ такого вліянія объясняются и тѣ печальныя явленія университетской жизни, которыя не могли не возмущать искреннихъ сторонниковъ молодежи и поборниковъ правильной жизни въ государствѣ.

Далѣе г. Сергѣевичъ одобряетъ ту мою мысль (кажется, единственный разъ), что уже одно усвоеніе научныхъ истинъ производитъ могущественное вліяніе на духовное развитіе человека. *«Вотъ въ чемъ воспитательная сила университетовъ»* (стр. 1.694), говорить онъ.

Но усвоеніе научныхъ истинъ не всегда и не вездѣ возможно и полезно: оно можетъ быть такимъ только тогда, когда университеты выполняютъ надлежащимъ образомъ свои обязанности, т.-е. когда гг. профессора не только обладаютъ тѣми научными истинами, которыя должны быть передаваемы студентамъ, но когда, сверхъ того, они обладаютъ и умѣнѣемъ передавать эти истины значительному большинству своихъ учащихся, посредствомъ-ли лекцій и бесѣдъ со студентами на этихъ лекціяхъ, или съ помощью самостоятельности учащихся какъ на этихъ лекціяхъ, такъ и внѣ оныхъ. Только при такомъ условіи будетъ происходить и усвоеніе научныхъ истинъ студентами, а съ симъ вмѣстѣ и могущественное вліяніе на духовное развитіе студентовъ.

Но почтенный профессоръ думаетъ иначе: *«воспитательная сила университетовъ не на столько дѣйствуетъ непрелмно и одинаково, — говорить онъ:—для этого надо быть доступнымъ къ воспріятію добрыхъ стѣмянъ жизни»*. *«Есть люди очень тонкой воспріимчивости» и есть «мѣдныя лбы, на которыхъ окружающее не производитъ никакого дѣйствія, — этихъ и университетъ ничему не научитъ»* (стр. 1.694). Это, однако, нисколько не должно исключать необходимости воспитательнаго вліянія университета, тѣмъ болѣе, что и такъ-называемые «мѣдныя лбы» перѣдко оказываются весьма доступными добру. Не надо забывать, что мѣдныя лбы имѣются не только среди молодежи, но и среди взрослыхъ и, между прочимъ, среди такихъ, которые свое неумѣніе учить и воспитывать дѣтей и юношей, а также плохіе результаты своего обученія и воспитанія объясняютъ не своимъ неумѣніемъ, а тупостью и неспособностью своихъ питомцевъ. И Жуковский, нашъ замѣчательный поэтъ и воспитатель императора Александра II, и Линней—знаменитый ботаникъ, и Остроградскій—знаменитый нашъ математикъ, были признаваемы учебными заведеніями, въ коихъ они учились, за неспособныхъ, а ихъ учителя, быть можетъ, и ихъ называли мѣдными лбами.

Мысли мои о томъ, чтобы воспитательное вліяніе на студентовъ имѣла и инспекція, чины коей должны быть избираемы съ крайнею осмотрительностью изъ лицъ, стоящихъ высоко и по образованію, и по нравственнымъ качествамъ *), и чтобы инспекція заботилась не

*) Во время моего управленія С.-Петербургскимъ округомъ (и д. ректора г. Пахманъ) одинъ помощникъ инспектора чуть не вызвалъ безпорядки въ университетѣ своимъ покровительствомъ, которое онъ оказывалъ поступившему въ университетъ съ помощью фальшиваго аттестата. Г. этотъ былъ такъ безцеремоненъ, что рѣшился просить меня не передавать этого дѣла г. градоначальнику для передачи въ судъ, на томъ основаніи, что *блдный виновникъ* уже понесъ одно наказаніе, лишившись званія студента.

только о поддержаніи внѣшняго порядка, но и объ огражденіи ихъ отъ напрасныхъ обвиненій и подозрѣній *) въ совершеніи ими проступковъ, г. Сергѣевичъ переводитъ почему-то на защиту въ судъ и на предварительномъ слѣдствіи (о чемъ я не говорилъ) и, иронизируя, замѣчаетъ, что «рекомендуемая мною защита, съ характеромъ мѣры специальной, для однихъ студентовъ и средствами инспекціи, — возвращаетъ насъ въ средніе вѣка. Идеалы почтеннаго автора (т.-е. мои) находятся въ далекомъ прошломъ».

Я прежде говорилъ и теперь повторяю, что университетское начальство не установило о свободѣ студентовъ вѣрнаго и яснаго понятія и предоставило имъ какъ-бы право (что видно изъ статьи г. Сергѣевича) на произволъ и своеволие. Результаты такого бездѣйствія ясно обнаружались въ первую половину 1899 года.

Повторяю и теперь, что Совѣтъ университета обязанъ образовывать комитетъ для составленія правилъ объ обязанностяхъ учащихся въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, а также въ отношеніяхъ ихъ къ профессорамъ, начальству и стороннимъ лицамъ. Требованіе точнаго исполненія такихъ правилъ должно быть въ полной силѣ, и даже отъ студентовъ, какъ учащихся болѣе взрослыхъ сравнительно съ гимназистами, слѣдуетъ требовать и болѣе точнаго исполненія ихъ обязанностей, чѣмъ отъ учащихся среднихъ заведеній. И теперь повторяю прежде сказанное мною, что указаніе учащимся на необходимость исполнять правила и напоминаніе о нихъ начальство должно выражать съ формъ совѣтовъ и приказаній, а кто не подчинится, послѣ нѣсколькихъ напоминаній, не долженъ оставаться въ средѣ учащихся.

Такое мое мнѣніе вызвало слѣдующее ироническое замѣчаніе почтеннаго профессора: «И такъ, подчинится правиламъ — хорошо, а нѣтъ — вонъ его. Это-ли воспитаніе?» Если такое правило выражаетъ воспитательное безсиліе, по выраженію г. Сергѣевича, то слѣдовало ему и его коллегамъ составить болѣе цѣлесообразныя правила и требовать точнаго ихъ исполненія, съ тою цѣлью, чтобы не исключать, вмѣсто единицъ, сотенъ и тысячъ молодыхъ людей, доведенныхъ до своеволія и анархіи вслѣдствіе бездѣйствія университетскихъ властей.

Всѣ молодые люди, учившіеся въ университетахъ, по окончаніи этихъ заведеній, должны избирать какую-либо дѣятельность въ правительственныхъ или общественныхъ учрежденіяхъ. По можетъ-ли быть терпима ихъ дѣятельность, когда они, воспитанные въ университетѣ въ духѣ своеволія, будутъ проявлять такую-же дѣятель-

*) Во время управленія мною С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ, въ ректорство Рѣдкина, были обвиняемы полиціей пять студентовъ, лучшихъ по своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ.

ность и въ этихъ учрежденіяхъ? Очевидно, ни одно учрежденіе не будетъ терпѣть такихъ дѣятелей.

Г. Сергѣевичу очень не понравился мой взглядъ на обязанности и отвѣтственность начальства учебныхъ заведеній, а слѣдовательно, и университета, выраженный мною такими словами: *начальство заведенія должно имѣть надзоръ за своими питомцами, но съ симъ вмѣстѣ оно должно обладать и всеми средствами для надзора, равно какъ и нести полную отвѣтственность за безпорядочное ихъ поведеніе какъ въ заведеніи, такъ и внѣ оного.*

По мнѣнію профессора, дѣйствительный надзоръ за студентами невозможенъ (стр. 1.693). «И дѣти, и взрослые должны знать, что они отвѣчаютъ только за свою вину и никогда — за чужую... И начальство никогда и ни въ какомъ случаѣ не должно нести отвѣтственность за своихъ учениковъ»...

Мысль, высказываемая почтеннымъ профессоромъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Что дѣти должны отвѣчать только за свою вину, это мнѣ понятно; но чтобы взрослые съ прерогативами начальническими не отвѣчали за проступки подчиненныхъ имъ дѣтей, хотя-бы и взрослыхъ, эта мысль, по своей новосте, для меня совершенно непонятна.

Г. Сергѣевичъ очень боялся, что моя статья надѣляетъ много хлопотъ директорамъ, инспекціи и т. д. и что ее слѣдовало-бы спрятать отъ школяровъ (стр. 1.693). А на самомъ дѣлѣ оказалось, что не мою статью, а его отвѣтъ на нее слѣдовало спрятать отъ всѣхъ тѣхъ, взрослыхъ и дѣтей, которымъ пришлось по сердцу и свобода образованія и свобода воли — своеволие и невозможность надзора за воспитанниками вообще. Быть можетъ, если-бы этими принципами не была проникнута учащаяся молодежь высшихъ учебныхъ заведеній, то не было-бы и тѣхъ грустныхъ событій, которыя причинили такъ много горя многимъ молодымъ людямъ и близкимъ ихъ людямъ, и даже много хлопотъ самому почтенному В. И. Сергѣевичу (стр. 1.693).

Разсмотрѣвъ воспитательные взгляды г. Сергѣевича по поводу моей статьи, которые онъ, какъ справедливый человѣкъ, называетъ совершенно вѣрно воспитательными фантазіями, перехожу теперь къ его взглядамъ на обученіе въ университетахъ и на его мнѣнія о моихъ предположеніяхъ, касающихся улучшенія этой части.

Мною высказано было, что истинно воспитательное вліяніе на студентовъ должна оказывать правильная постановка ихъ занятій науками, и что всякая научная истина вообще можетъ считаться ихъ духовнымъ достояніемъ только тогда, когда она усвоена ими сознательно, основательно и глубоко, и что поверхностное усвоеніе тѣхъ

или другихъ истинъ не только нельзя считать полезнымъ, но что оно даже вредно. Г. Сергѣевичъ по поводу этихъ моихъ мыслей говорятъ:

а) «*Никому и никакими способами нельзя вбить въ голову науку*»... («Науч. Об.» № 10, стр. 1.694). О вбиваніи науки въ головы студентовъ никто и не говоритъ, но вводить научныя знанія можно во всякій умъ; это и есть обязанность университета, профессоровъ. Если положеніе г. Сергѣевича признать вѣрнымъ, то слѣдуетъ признать, что и существованіе не только университетовъ, но и вообще всякаго учебнаго заведенія совершенно безцѣльно.

б) Далѣе г. профессоръ утверждаетъ, что *глубокія свѣдѣнія въ наукѣ всегда составляютъ результатъ самодѣятельности; ихъ можетъ имѣть только тотъ, у кого есть призваніе къ наукѣ и дарованіе; кто имѣетъ призваніе и дарованіе, тотъ глубоко изучитъ науку и при плохихъ способахъ преподаванія и слабыхъ учителяхъ...* («Научн. Об.» № 10, стр. 1.694—95).

Неволью я теряюсь, сопоставляя положенія г. Сергѣевича, приведенныя въ пунктахъ а) и б): по положенію въ п. а) *никому и никакими способами* нельзя вбить научныя истины; а по п. б) *кто имѣетъ призваніе, тотъ глубоко изучитъ науку* не только при хорошихъ способахъ преподаванія и съ помощью хорошихъ профессоровъ и учителей, но и при *плохихъ способахъ преподаванія, и при плохихъ учителяхъ и профессорахъ.*

Отрицая хорошіе способы преподаванія для сообщенія учащимся высшихъ-ли или среднихъ, или низшихъ школъ, г. Сергѣевичъ этимъ самымъ проповѣдуетъ полную реформу всей системы образованія не только у насъ въ Россіи, но и во всѣхъ другихъ странахъ.

Такъ какъ онъ допускаетъ *вбиваніе въ головы* научныхъ знаній только личностямъ, имѣющимъ призваніе, и по какимъ угодно способамъ и притомъ даже и плохими учителями, поэтому является излишество и такъ называемыхъ учительскихъ семинарій и подготовки учителей и профессоровъ къ хорошему преподаванію.

в) Г. профессоръ соглашается, между прочемъ, что «*большинство студентовъ не отличается глубокимъ знаніемъ науки. Сожалеть объ этомъ не соответствуетъ возможному положенію дѣла и настоящей мѣрѣ (!!!!) вещей*».

Для большинства достаточно, если «*оно вынесетъ изъ университета знакомство съ современнымъ состояніемъ наукъ...*» («Научн. Об.» № 10, стр. 1.695).

Если большинство студентовъ усваиваютъ въ университетахъ не глубокія, а поверхностныя знанія, то это зло великое: оно отражается на всей жизни такихъ молодыхъ людей; они будутъ ко всему и въ жизни относиться слегка, поверхностно.

Школа не должна ограничиваться только сообщеніемъ знаній и результатами знаній, но и заботиться о способахъ усвоенія ихъ, въ чемъ и заключается воспитательная сила знаній. Этого не постигаютъ только лица, чуждыя педагогическаго развитія.

При поверхностномъ изученіи той или другой науки, студентъ не можетъ вынести изъ университета и *знакомства съ современнымъ состояніемъ этой науки*, какъ утверждаетъ г. профессоръ.

Указавъ на недостатки воспитанія и обученія въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, я указывалъ и на причины неудовлетворительнаго ихъ состоянія, которыя, какъ я думаю, суть слѣдующія: 1) *многопредметность и невозможное распределеніе лекцій*; 2) *неподготовленность большинства профессоровъ къ преподаванію*; 3) *нецѣлесообразный способъ преподаванія*; 4) *слабое развитіе, а иногда даже отсутствіе самодѣятельности учащихся* и 5) *недостаточныя упражненія студентовъ въ практическихъ работахъ.*

По моему мнѣнію, *многопредметность препятствуетъ* учащимся высшихъ заведеній *заниматься* родными науками, а также заниматься ими и *изучать ихъ вполне основательно.* Число изучаемыхъ предметовъ *доходитъ* до 20, а иногда и больше.

Этотъ вопросъ, по мнѣнію г. профессора, затронутъ мною *слишкомъ и совершенно поверхностно...* Съ развитіемъ специальностей можетъ увеличиваться число отдѣленій и даже самое число факультетовъ; а возможно и обратное явленіе: прежде на юридическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета были два отдѣленія—юридическое и административное, а въ 70-мъ году факультетъ уничтожилъ административное отдѣленіе; былъ гдѣ-то медицинскій факультетъ (гдѣ—профессоръ умалчиваетъ), въ которомъ стремленіе къ ограниченію многопредметности шло такъ далеко, что существовало *отдѣленіе ушныхъ болѣзней.* Потомъ такое сокращеніе было признано вреднымъ.

Г. профессоръ вообще находитъ, что вопросъ объ увеличеніи или уменьшеніи числа университетскихъ предметовъ не такъ простъ, какъ кажется мнѣ, и что для разясненія нужны были-бы подробности, которыхъ я не представилъ, и что онъ не по силамъ одному человеку. Но и профессоръ своими разсужденіями не подвинулъ впередъ затронутого мною вопроса о многопредметности. Указаніе, что число отдѣленій можетъ или увеличиваться, или уменьшаться, нисколько не доказываетъ пользы многопредметности.

Въ моей статьѣ было указано, что въ 1891—1892 учебномъ году въ нѣкоторыхъ курсахъ одного университета было назначено по 45 лекцій въ недѣлю и что для сужденія о тѣлесномъ утомленіи было-бы полезно, чтобы составители такого распределенія сами просидѣли въ каждый день недѣли по 7—8 лекцій сряду, а для сужденія о

результатахъ научнаго усвоенія было-бы полезно подвергнуть испытанію въ тотъ-же вечеръ нѣсколькихъ, даже лучшихъ студентовъ изъ прослушаннаго ими на этихъ лекціяхъ... Г. Сергѣевичъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ (1.696 стр.): «*Это мѣсто очень понравилось г. газетнымъ обозрѣвателямъ... и этимъ они доказали свое совершенное незнакомство съ порядками нашихъ университетовъ*». Почтенный профессоръ, какъ видно, недоволенъ не только мною, но и газетными обозрѣвателями. Вообще мое мнѣніе о значительномъ числѣ лекцій г. профессоръ выводитъ изъ недоразумѣній, и ему слѣдовало-бы разсѣять эти недоразумѣнія. Онъ-бы такимъ образомъ познакомилъ съ порядками нашихъ университетовъ и меня, и гг. газетныхъ обозрѣвателей.

Итакъ, говоритъ профессоръ, *обремененность нашихъ студентовъ обязательными лекціями не существуетъ*.

«Откуда-же авторъ (т.-е. я) взялъ свои 45 часовъ?..»

Чтобы удовлетворить почтеннаго профессора и довести его до убѣжденія, что эти 45 часовъ—не мои 45 часовъ, я прошу его прочесть *примѣчаніе*, напечатанное на 102—103-й страницахъ «Русской Школы», въ которой напечатана моя статья. Тамъ значится, что на стр. 48-й годового отчета Московскаго университета сказано: «*на медицинскомъ факультетѣ студенты были ежедневно заняты на многочисленныхъ лекціяхъ, которыя для нѣкоторыхъ студентовъ продолжались отъ 8 часовъ утра до 8 часовъ вечера. Сверхъ того они занимались практически въ часы, свободные отъ лекцій, показанныхъ въ расписаніи*». Печатаю это мѣсто въ своей статьѣ, я не могъ не выразить удивленія тому, какъ Совѣтъ университета не обратилъ вниманія на несообразность и даже на очевидный вредъ такого скопленія занятій студентовъ. Отчету Московскаго университета, я полагаю, можно повѣрить, а потому г. Сергѣевичу можно-бы считать и 45 часовъ *не моими*, а принадлежащими университету: при 45 лекціяхъ въ недѣлю, ежедневныхъ будетъ отъ 7 до 8. Г. Сергѣевичъ поступилъ-бы правильнѣе, когда напечаталъ-бы въ своей статьѣ распрѣдѣленіе лекцій вмѣсто того, чтобы приписывать моему изобрѣтенію 45 лекцій въ недѣлю и до 20 учебныхъ предметовъ, которые студенты обязаны изучить въ теченіе четырехлѣтняго курса.

Въ своей статьѣ я упомянулъ о томъ, что, *благодаря обязательной для студентовъ въ учебныхъ заведеніяхъ многопредметности, при непосильномъ для нихъ числѣ лекцій, они поставлены въ необходимость заниматься всеми научными предметами поверхностно* («Н. Вр.» 1899 г. № 8.405, 4 авг. въ Эл. техн. инст. пол. 23 уч. я говорю объ учил. и др. высш. учебн. зав.).

Чтобы яснѣе представить аномальность такого рода занятій, я

нашелъ необходимымъ сопоставить учебныя занятія нашихъ студентовъ съ подобными-же занятіями въ заграничныхъ университетахъ, гдѣ каждый студентъ имѣетъ полную возможность въ извѣстный семестръ заниматься только немногими избранными имъ науками или ихъ отдѣлами, и такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изучить основательно кругъ наукъ, входящихъ въ составъ нашихъ факультетовъ. При этомъ я указалъ и на то, что тамъ университетскій учебный годъ продолжается отъ 9 до 10 мѣсяцевъ, тогда какъ нашъ, благодаря отчасти множеству праздниковъ и экзаменовъ, всего продолжается отъ 5 до 6 мѣсяцевъ.

Итакъ, по словамъ профессора, «*причина причинъ нашихъ бедствъ заключается въ 45 часахъ недѣльных учебныхъ занятій для нашихъ студентовъ*». Но «такъ какъ», по его убѣжденію, «*эта первая причина въ действительности не существуетъ, то, конечно, не было надобности искать и причину не существующей причины*» (стр. 1.697, «Н. О.» № 10). Тѣмъ не менѣе, профессоръ находитъ поучительнымъ сравнивать наши порядки съ заграничными (германскими). Я не буду останавливаться на томъ, что существуетъ въ Германіи сравнительно съ нашими университетскими порядками,—г. Сергѣевичу это лучше извѣстно. И вотъ онъ пришелъ къ такимъ главнымъ выводамъ: «*Нашъ (русскій) учебный годъ продолжается не меньше 6 мѣсяцевъ, а иногда и больше, съ 1 го сентября до Страстной..., а у нихъ (въ Германіи) учебное время измѣряется семестрами... Поэтому, какъ ни коротокъ нашъ учебный курсъ, а онъ все-же длиннѣе нѣмецкаго...*»

Наконецъ, свои разсужденія профессоръ оканчиваетъ такъ: «...Такимъ образомъ, *нѣмецъ студентъ* сосредоточиваетъ свои занятія на 2-хъ или 3-хъ предметахъ, но въ теченіе болѣе короткаго времени (одного полугодія), а потомъ на 4 или 6, въ теченіе пѣлаго года».

«*Не беремся рѣшать, что лучше...* Всякій изъ нашихъ русскихъ администраторовъ указываетъ на краткость нашего учебнаго времени, какъ на причину всѣхъ бѣдъ...» (стр. 1.700 «Н. О.» № 10). Почтенный профессоръ не согласенъ съ этимъ.—«*Увеличеніе учебнаго года поведетъ къ расширенію курсовъ, читаемыхъ профессорами, а слѣдовательно, и къ увеличенію экзаменныхъ требованій. Желательно-ли это?*» Разумѣется (стр. 1.700 «Н. О.») не желательно, особенно, если гг. преподаватели будутъ относиться къ своимъ занятіямъ формально, рутинно, когда они будутъ заботиться только о томъ, чтобы прочесть въ извѣстное время тотъ или другой курсъ, а не о томъ, чтобы не только весь курсъ, но даже каждая часть курса, преподаваемая студентамъ въ теченіе cadaго часа занятій, или говоря иначе, примѣняясь къ измѣренію курсовъ лекціями,

чтобы каждая лекція была усвоена большинствомъ студентовъ (не исключая даже и мѣдныхъ лбовъ) сознательно и основательно, а не поверхностно.

О способахъ приготовленія изъ молодыхъ ученыхъ преподавателей для университетовъ г. Сергѣевичъ не говоритъ ничего (вѣроятно, онъ выскажется по этому вопросу въ дальнѣйшемъ продолженіи своей статьи).

Въ заключеніе своей статьи г. Сергѣевичъ подвергаетъ разбору предлагаемый мною способъ преподаванія. Я указалъ, что кандидатъ въ преподаватели долженъ обнаружить, кромѣ необходимыхъ знаній, и усвоеніе рациональнаго способа преподаванія, которымъ онъ предполагаетъ руководствоваться съ цѣлью достиженія учащимися основательнаго знанія предмета его преподаванія и усвоенія умѣнія самостоятельно заниматься науками, и, только по одобреніи факультетомъ предлагаемаго метода преподаванія, кандидатъ могъ-бы быть допускаемъ къ занятіямъ со студентами.

«Не дожидаясь, однако, когда молодые аспиранты на профессорскія кафедры выработаютъ свои способы преподаванія, а факультеты и Совѣты ихъ одобрятъ, почтенный авторъ (т.-е. я) въ руководство тѣмъ и другимъ, самъ рисуетъ картину новаго способа преподаванія (стр. 1.701) въ замѣнъ чтенія лекцій». Такъ профессоръ иронизируетъ по поводу моего предположенія о приготовленіи профессоровъ.

Мнѣ кажется, что аспиранты, имѣющіе вырабатывать свои способы преподаванія, нисколько не будутъ стѣснены моимъ мнѣніемъ противъ господствующаго способа, въ видѣ чтенія лекцій, тѣмъ болѣе, что лекціи я допускаю не только для объясненія приборовъ и обращенія съ ними и когда онѣ будутъ сопряжены съ нѣкоторыми опытами и наблюденіями, требующими особыхъ манипуляцій, но и тогда, когда студенты уже ознакомлены съ предметомъ посредствомъ самостоятельнаго чтенія. Кромѣ сказаннаго, я не говорилъ, какъ показалось г. Сергѣевичу, что, «за исключеніемъ наукъ опытныхъ, профессора могутъ вовсе не читать лекцій» (стр. 170). Это г. Сергѣевичъ прибавилъ отъ себя.

Указавъ на то, въ какихъ случаяхъ могутъ быть допускаемы профессорскія лекціи, я считалъ полезнымъ указать и на то, что организація студенческихъ занятій должна быть предоставлена каждому заведенію или факультету, при чемъ указалъ и на ихъ обязанности въ этомъ отношеніи, выраженные въ 4-мъ пунктѣ.

Но г. Сергѣевичъ, съ привычной ему ироніей, позволилъ себѣ прибавить послѣ словъ *организація занятій должна быть предоставлена каждому заведенію или факультету*, еще слѣдующія выраженія: «но не по его (факультетскому) усмотрѣнію, а согласно слѣ-

дующему предписанію автора (т.-е. моему) (стр. 1.702). Слѣдуетъ повтореніе 4-го пункта в.

Подобныя прибавки, я думаю, неприличны, особенно для профессора.

Далѣе г. Сергѣевичъ продолжаетъ свое изложеніе въ привычномъ ему ироническомъ тонѣ такъ: и «*новаго въ порядкѣ одно: замѣна профессорскихъ лекцій лекціями студентовъ. Мы думаемъ, что рукою автора мыслей постоянно руководятъ лучшія намѣренія; но однихъ добрыхъ намѣреній для реформы университетовъ такъ-же мало, какъ и для спасенія души»* (стр. 1.702). Я-же, въ отвѣтъ на такое ироническое замѣчаніе почтеннаго профессора, скажу, что какъ душа его ничего не выигрываетъ отъ искаженія моихъ мыслей для своего снисхожденія, такъ и университеты—отъ ихъ разложенія, во вредъ учащейся молодежи и государству, когда не будетъ принято со стороны университетскаго начальства и гг. профессоровъ никакихъ мѣръ къ развитію правильной жизни въ университетахъ.

По плану, мною предлагаемому, кромѣ профессоровъ, читаютъ лекціи и студенты.

Такія лекціи должны быть дополняемы, разъясняемы, а если нужно, то и измѣняемы профессорами. На этотъ проектъ послѣдовалъ такой смертный приговоръ г. Сергѣевича: «*Это смерть науки и университетовъ!*» (стр. 1.702). А я полагаю, что нынѣшнее безотрадное состояніе нашихъ университетовъ приведетъ ихъ къ совершенному разложенію, что доказываютъ отчасти и совершившіяся событія.

Мною предлагается замѣнить пассивное слушаніе студентами профессорскихъ лекцій самостоятельными занятіями студентовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и произнесеніемъ ими лекцій *подъ руководствомъ профессоровъ*. По поводу этого проекта г. Сергѣевичъ высказываетъ слѣдующее: «*по новому порядку, какъ и по старому, всѣ предметы будутъ излагаться устно съ кафедры и въ порядкѣ программъ, но не профессорами, а студентами. Вотъ и вся перемена. Лекціонный способъ удерживается, мѣняются только дѣтели; дѣти занимаютъ мѣсто отцовъ»* (стр. 1.703).

На ироническое замѣчаніе г. профессора замѣчу, что дѣти хотя и будутъ замѣнять мѣсто отцовъ, но должны будутъ исполнять возлагаемыя на нихъ обязанности не иначе, какъ подъ руководствомъ отцовъ, которые для того, чтобы руководить своими дѣтьми, должны будутъ неволью исполнять *анимательныя* лежація на нихъ обязанности, по отношенію къ своимъ дѣтямъ.

«Что будетъ слушать аудиторія по новому плану?.. лекціи, которыя написаны людьми, не дочитавшими еще ни одной книги до конца? Она будетъ слушать дѣтскій лепетъ. Неужели этимъ средствомъ

можно привлечь въ аудиторію слушателей? Да, для забавы. *Это будетъ игра въ университетъ. Дѣти играютъ въ лошадки, студенты будутъ играть въ университетъ*» (стр. 1.704). Такъ полагаетъ г. Сергѣевичъ.

Я предвидѣлъ неудовольствіе такихъ профессоровъ, которые привыкли къ халатному и легкому чтенію своихъ лекцій, — неудовольствіе, которое возбудитъ въ нихъ замѣна пассивнаго слушанія студентами профессорскихъ лекцій ихъ самостоятельными лекціями *подъ руководствомъ профессоровъ*, и потому рекомендовалъ вводить постепенно предлагаемый способъ, если-бы онъ былъ разрѣшенъ. Но не ожидалъ я такого неудобнаго протеста со стороны почтеннаго профессора и бывшего ректора университета и, притомъ, протеста съ извращеніемъ смысла въ некоторыхъ моихъ мысляхъ.

Какая аудиторія будетъ слушать лекціи, если-бы было студентамъ разрѣшено представлять этой аудиторіи свои самостоятельныя работы въ видѣ-ли рефератовъ или лекцій? Эту аудиторію будутъ составлять ихъ товарищи; они, вмѣстѣ съ лекторомъ, должны будутъ не только слушать, но и оживлять слушаемое и во взаимной, товарищеской бесѣдѣ, *подъ руководствомъ профессора*. Отъ профессора, *подъ руководствомъ* котораго составлялась лекція, будетъ зависѣть, разрѣшить-ли лекцію того или другого студента въ видѣ *лепета*, или въ логическомъ и серьезномъ видѣ. Но иногда и лепетъ можетъ быть полезенъ какой-нибудь компіляціи, или даже и серьезнаго разсужденія, не производящихъ на слушателей никакого впечатлѣнія *) и не оставляющихъ слѣда въ ихъ умѣ и памяти.

При предлагаемомъ способѣ, я увѣренъ, аудиторія будетъ имѣть гораздо больше слушателей, чѣмъ теперь при совершенно произвольномъ изложеніи науки.

Итакъ, *игра въ университетъ*, сравниваемая иронически профессоромъ съ игрою въ лошадки, будетъ, безъ сомнѣнія, *полезнѣе* для серьезнаго и многосторонняго развитія учащихся, чѣмъ *тсперешняя* игра молодежи не въ науку, а въ пародію науки.

Самодѣятельность, разумно вызываемая въ учащихся и *руководимая* учителями и профессорами, есть такое педагогическое средство, которымъ должна пользоваться всякая школа, и особенно высшая, если только она будетъ вышею школою не по имени, а по существу, и если учителя, профессора, въ ней будутъ истинными

*) Большинство профессоровъ читаетъ изъ года въ годъ одно и то-же слово въ слово, даже неизмѣнно съ одной и той-же интонаціей. Слушатели напередъ знаютъ, гдѣ будетъ вставленъ анекдотъ, гдѣ будетъ улыбка и проч. и, естественно, ставятъ вопросъ: зачѣмъ намъ ходить на лекціи? Мы дома и эту лекцію прочитаемъ, и еще то и другое сдѣлаемъ.

учителями-профессорами, а не по имени только. При самодѣятельности учащихся *вниманіе* ихъ сосредоточивается на изучаемомъ предметѣ или на исполняемой работѣ несравненно интенсивнѣе, чѣмъ при пассивной дѣятельности. Даже лучший лекторъ можетъ возбудить въ слушательнѣ вниманіе мимолетное, неглубокое. Нерѣдко одна, двѣ главныя мысли, потеряныя при слушаніи, служащія основаніемъ для послѣдующихъ мыслей, бывають причиною потери для самаго внимательнаго слушателя цѣлой лекціи, тогда какъ при изученіи подобной лекціи по сочиненіямъ, каждый студентъ, сколько-нибудь любознательный, невольно будетъ вдумываться въ читаемое и изучаемое, а слѣдовательно, и не будетъ такъ терять мыслей при чтеніи сочиненія, какъ при слушаніи. Наконецъ, чтеніе лекцій студентами предлагается мною не для *замѣны отцовъ дѣтьми* и не для *игры ихъ въ университетъ, замѣны игры ихъ въ лошадки*, а для серьезнаго, основательнаго изученія предмета или части его. Къ предъидущимъ своимъ замѣчаніямъ, обыкновенно въ ироническомъ тонѣ, хотя и не всегда удачнымъ, г. Сергѣевичъ прибавляетъ еще и такое соображеніе: *«совершенныхъ книгъ нѣтъ; въ каждой книгѣ можетъ быть недосказанность, неясность, неправильные выводы, пользование плохимъ матеріаломъ, недостаточная оцѣнка хорошаго и т. д. Какъ во всемъ этомъ разберется студентъ, обязанный недѣли въ день сочинить лекцію?»* Это будетъ школа *лекомыслия и пустословія* (стр. 1.704). Это было-бы такъ, если-бы университетъ былъ составленъ изъ однихъ студентовъ, или если-бы въ немъ студенты въ своихъ занятіяхъ по составленію лекцій и ихъ чтенію были внѣ руководства хорошихъ профессоровъ. Если совершенныхъ книгъ нѣтъ, то почему-же профессорамъ не издавать своихъ лекцій, которыя были-бы совершеннѣе существующихъ сочиненій русскихъ и иностранныхъ.

Пироговъ въ бесѣдахъ съ нѣкоторыми профессорами предлагалъ имъ такой вопросъ: почему-бы имъ не напечатать своихъ лекцій вмѣсто допущенія составленія ихъ студентами, часто со множествомъ ошибокъ? На это обыкновенно спрашиваемые отвѣчали, что они не считаютъ свои лекціи настолько совершенными, чтобы ихъ издавать въ свѣтъ. Подобный отвѣтъ можно сопоставить и даже приравнять съ замѣчаніемъ г. Сергѣевича, что *совершенныхъ книгъ нѣтъ*. Во всякомъ случаѣ, эти несовершенныя книги, издаваемыя извѣстными учеными, будутъ совершеннѣе нерѣдко незрѣлыхъ лекцій, составленныхъ начинающими лекторами безъ всякаго руководства со стороны опытныхъ профессоровъ. Такія лекціи даже могутъ быть по своему достоинству не выше дѣтскаго лепета студентовъ, а можетъ быть, и ниже, если только работы студентовъ, называемыя г. Сергѣевичемъ лепетомъ, будутъ исполнены на основаніи одного

или нѣсколькихъ хорошихъ сочиненій и притомъ, подъ руководствомъ хорошихъ профессоровъ. А что такія работы могутъ быть исполняемы во всѣхъ университетахъ, то къ такому убѣжденію приводятъ меня свѣдѣнія, изложенныя въ отчетѣ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, составленномъ профессоромъ В. Н. Латкинымъ для произнесенія 8-го февраля 1899 года. Изъ этого отчета видно, что въ С.-Петербургскомъ университетѣ на ряду съ лекціями происходили и практическія занятія со студентами всѣхъ факультетовъ и въ особенности со студентами естественно-историческаго факультета, подъ руководствомъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ. Нѣкоторые изъ представленныхъ студентами рефератовъ, даже студентами 1, 2 и 3 семестровъ, были читаемы и обсуждаемы въ аудиторіяхъ. По свидѣтельству приватъ-доцента Холодняка, представленные ему работы можно было признать удовлетворительными, а иныя даже весьма хорошими. Подъ руководствомъ нѣкоторыхъ профессоровъ, напр., И. Я. Фойницкаго, Л. В. Ходскаго, И. И. Кауфмана и друг., студенты занимались научными работами по темамъ, имъ рекомендуемымъ.

Изъ этого можно заключить, что если и дѣти будутъ читать лекціи вмѣсто отцовъ, но непремѣнно подъ руководствомъ хорошихъ отцовъ, то эти лекціи не будутъ дѣтскимъ лепетомъ, а будутъ представлять живую, юношескую рѣчь, которая будетъ подвергаться смѣлому, безбоязненному обсужденію, въ средѣ ихъ товарищей, обсужденію, которое немислимо при допущеніи въ аудиторіи однихъ отцовскихъ рѣчей, нерѣдко, хотя и серьезныхъ по содержанию, но часто трудныхъ и неудобныхъ для воспріятія и обсуждения дѣтьми.

Между нашими педагогами занимаетъ, безспорно, одно изъ выдающихся мѣстъ Н. И. Пироговъ, не только по вѣрности и глубинѣ его мыслей, касающихся воспитанія и обученія вообще, но и потому, что онъ едва-ли не первый обратилъ вниманіе на обученіе и воспитаніе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Взглядъ его на лекціонный способъ обученія въ университетахъ, какъ на средневѣковой способъ, который поневолѣ долженъ былъ быть употребляемъ въ давнее время, вслѣдствіе слабаго распространенія въ обществѣ книгъ,—этотъ взглядъ совершенно вѣренъ. Безъ сомнѣнія, и онъ не слѣдовалъ слѣпо этому способу, а оживлялъ его бесѣдами съ аудиторіей, при исполненіи имъ своихъ профессорскихъ медицинскихъ обязанностей, прославившихъ и его имя, и русскую медицинскую науку. Хотя г. Сергѣевичъ и помѣстилъ въ «Московскихъ университетскихъ извѣстіяхъ» разборъ мнѣнія Пирогова, вѣроятно, противъ лекціоннаго способа, но этотъ разборъ прошелъ не замѣченнымъ для общества. А что Пирогову не удалось замѣнить лекціонный способъ чѣмъ-нибудь

лучшимъ, то это объясняется невысокимъ уровнемъ образованія нашего и развитія нашего общества и завѣдывавшихъ высшими заведеніями въ отдѣльности (въ особенности въ 60-хъ годахъ). Оба эти обстоятельства вообще оказывали неблагоприятное вліяніе на развитіе нашего образованія и на наши университеты въ частности.

Такое отрицательное состояніе нашихъ университетовъ подтверждается отчасти и нижеприведенною замѣткою бывшаго профессора Н. К. Ренненкампа, помѣщенною въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Русской Старины». Вотъ что кievскій профессоръ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «...преподавая и экзаменуя въ многочисленномъ Кіевскомъ юридическомъ факультетѣ, въ теченіе 43 лѣтъ, я долженъ съ грустью сказать, что общія просвѣщенность студентовъ, знакомство ихъ съ новѣйшею исторіей европейской литературы, съ значеніемъ нашихъ общественныхъ явленій и даже съ ученіями общественныхъ наукъ чрезвычайно слабы».

Такое печальное явленіе университетовъ профессоръ объясняетъ наплывомъ учащихся въ эти заведенія ради полученія дипломовъ, дающихъ имъ служебныя права. Но съ этимъ мнѣніемъ врядъ-ли можно согласиться: нужно водворить порядокъ въ университетахъ, который требуется вездѣ, во всѣхъ благоустроенныхъ учрежденіяхъ, а вмѣстѣ съ порядкомъ, опредѣливъ точно обязанности какъ учащихся, такъ и учащихся, требовать точнаго и безпрекословнаго ихъ исполненія тѣми и другими.

Университетъ, какъ учрежденіе, имѣющее своимъ назначеніемъ умственное, нравственное и физическое развитіе учащагося въ немъ юношества, будетъ достигать своего назначенія, какъ вообще всякій духовный организмъ, только тогда, когда будетъ обладать жизненностью своихъ элементовъ, т.е. способностью и стремленіемъ ихъ къ постоянному развитію, которое можетъ совершаться при томъ условіи, когда эти элементы будутъ не въ застоѣ, а тоже будутъ постоянно развиваться и улучшаться. Условіемъ для такого развитія и улучшенія должна служить тѣсная связь между главными элементами организма, т.е. профессорами и студентами, и взаимопомощь между ними. О такой связи и взаимопомощи долженъ прежде всего заботиться самъ университетъ, а потомъ и тѣ учрежденія, заботамъ и попеченію которыхъ онъ ввѣренъ.

Но можно-ли считать связь между главными элементами университета, т.е. между профессорами и студентами, существующею, когда о руководствѣ жизнью послѣднихъ со стороны профессоровъ не будетъ проявляться почти никакихъ заботъ.

Изъ протоколовъ Совѣта С.-Петербургскаго университета за 1897 и 1898 года видно, что въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ не были

поднимаемы вопросы въ засѣданіяхъ Совѣта профессоровъ ни объ улучшеніи преподаванія какого-бы то ни было предмета въ томъ или другомъ факультетѣ, ни о развитіи самодѣтельности въ занятіяхъ студентовъ, ни объ улучшеніи ихъ матеріальнаго и нравственнаго быта, и т. п. Правда, изъ отчета С.-Петербургскаго университета за 1898 годъ видно, что отдѣльные профессора руководили практическими занятіями нѣкоторыхъ студентовъ, но эти занятія какъ-бы ни были благотворны для нѣсколькихъ единицъ и десятковъ студентовъ, врядъ-ли могли быть полезны для 3.867 студентовъ, каковое число ихъ считалось къ 1-му января 1899 года.

Судя по характеру протоколовъ, университетъ скорѣе можно принять за ученое учрежденіе, напримѣръ, академію наукъ, но никакъ не за учебное заведеніе, хотя-бы и за высшее, какимъ долженъ быть университетъ.

Англійское правительство (см. «Нов. Вр.» 8-го іюля 1899 года № 8388), озабоченное улучшеніемъ своихъ училищъ начальныхъ, среднихъ и высшихъ, собираетъ свѣдѣнія объ улучшеніи такихъ училищъ и въ другихъ странахъ. Съ этою цѣлью для изученія нашихъ училищъ оно командировало къ намъ осенью текущаго года инспектора одного изъ училищныхъ округовъ Уэльса, нѣкоего Томаса Дарлингтона, который для полученія правильныхъ свѣдѣній съ указанною цѣлью даже изучилъ русскій языкъ.

Если иностранцы рѣшаются принимать мѣры для улучшенія своихъ учебныхъ заведеній посредствомъ тщательнаго изученія чужихъ заведеній, то казалось-бы, что и намъ, и нашимъ профессорамъ слѣдовало-бы точнѣе изучить свои-же университеты, и постоянно принимать мѣры для ихъ улучшенія.

По окончаніи своей статьи я съ удовольствіемъ прочелъ циркуляръ Министра Народнаго Просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ отъ 21-го іюля текущаго года, который указываетъ на разобщенность студентовъ между собою и профессорами, какъ на одну изъ причинъ, содѣйствующихъ студенческимъ безпорядкамъ, и указываетъ на необходимость широкой организации практическихъ занятій студентовъ, на сколько то позволяютъ существующія условія.

Г. Министръ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что профессора, которые ограничиваютъ свою дѣятельность только чтеніемъ лекцій, а не входятъ въ духовные интересы и нужды учащихся, не сближаются съ ними на этой почвѣ и не руководятъ ихъ неокрѣпшею мыслью, исполняютъ лишь малую долю своихъ обязанностей.

Мнѣ кажется, что съ такимъ взглядомъ волей-неволей согласится и самъ г. Сергѣевичъ, хотя взглядъ этотъ, какъ я думаю, подтверждаетъ и мои мысли, напечатанныя въ апрѣльской книжкѣ журнала «Русская Школа» за 1898 годъ.

Въ заключеніе считаю необходимымъ указать на причину, заставившую меня написать эту статью.

Возражать почтенному профессору я считалъ излишнимъ, особенно послѣ печальныхъ событій, совершившихся въ средѣ студентовъ С.-Петербургскаго и другихъ университетовъ послѣ 8-го февраля 1899 года. Эти событія фактически опровергли его взгляды, высказанные имъ въ его статьѣ въ опроверженіе моей статьи, какъ-бы въ защиту университетовъ, доказавъ, что однимъ чтеніемъ лекцій, хотя-бы и прекрасныхъ лекцій, основанныхъ на громадной эрудиціи, нельзя еще обезпечить себѣ личнаго нравственнаго вліянія на студентовъ. Если-же я рѣшился еще и теперь выступить съ этою послѣднею статью, то не ради г. Сергѣевича, а въ интересахъ университетовъ и учащагося въ нихъ юношества и изъ сочувствія къ нимъ, а также въ интересахъ среднихъ учебныхъ заведеній, на которыя не могутъ не оказывать нѣкотораго вліянія болѣзненные симптомы высшихъ учебныхъ заведеній. Наконецъ, я рѣшилъ написать эту статью и потому, что г. Сергѣевичъ въ своемъ возраженіи мнѣ въ октябрѣ 1898 года открылъ *такія язвы университетовъ*, какихъ я и не подозревалъ, а именно, полную свободу ученія въ университетахъ, содержимыхъ на государственныя средства для юношей-студентовъ, *предоставленіе имъ полной воли, или своеволия*, и, наконецъ, *отсутствіе воспитанія въ университетахъ*. Это *такія язвы, развитіе которыхъ грозитъ опасностью не только университетамъ, но и другимъ учебнымъ заведеніямъ, но и всему нашему обществу*. Поэтому и читателя я прошу смотрѣть на мою настоящую статью не какъ на возраженіе г. Сергѣевичу, а какъ на дополненіе моей статьи, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ журнала «Русская Школа» за 1898 годъ, той статьи, которую я написалъ съ цѣлью высказать свое мнѣніе о потребностяхъ нашего высшаго образованія. А такъ какъ настоящая статья является только благодаря откровенному взгляду г. Сергѣевича на наши университеты, поэтому, если эта дополнительная моя статья окажется сколько-нибудь полезною, то я долженъ выразить за нею благодарности г. Сергѣевичу, вызвавшему появленіе ее своими возраженіями.

К. Яновскій.